

В. С. КРИВЕЖЕНКО

*Ростовская государственная консерватория (академия)
им. С. В. Рахманинова*

ТРАКТОВКА ХРИСТИАНСКИХ ОБРАЗОВ В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ Ф. ЛИСТА (на примере ораторий «Легенда о святой Елизавете» и «Христос»)

УДК 781.6.082.101

Художественная культура каждого исторического периода отражает эстетическое видение мира, являющееся важнейшей частью мировоззрения той или иной эпохи. Произведения различных видов искусства, созданные в определённый исторический период, при всём разнообразии форм выражения, всегда обладают некой общностью. Объединяющим фактором служит опыт, накопленный человечеством в познании окружающего мира и своего места в нём. Характерно, что мировоззренческая позиция создателя, выраженная наглядно, довольно редко подкрепляется словесным выражением. Музыкальное искусство в этом смысле не является исключением. Ференц Лист был одним из тех гениальных композиторов, кто оставил после себя множество статей, заметок, писем, которые позволяют воссоздать картину мировоззренческих представлений автора и глубже понять его творения. Несмотря на то, что литература о композиторе довольно обширна и насчитывает тысячи работ на разных языках, многие сочинения не исследованы, не изданы и не исполняются со дня смерти художника. К числу произведений, ещё до конца не изученных, относятся и оратории – «Легенда о святой Елизавете» и «Христос». А между тем, они занимают далеко не последнее место в творческом наследии Ф. Листа и представляют собой «обобщение художественных достижений композитора, его эстетических и философских размышлений»¹.

Многие исследователи, писавшие о Ф. Листе, неоднократно отмечали глубокую внутреннюю противоречивость (доходившую порой до полярной двойственности) в числе важнейших качеств его мировоззрения, творчества, общественно-музыкантской деятельности. Так, О. Скребкова подчёркивала удивительное сосуществование в личности автора двух творческих Я: с одной стороны, «художника, проповедника искусства», с другой, – «скептика, вкусившего яд сомнений, проникнутого духом иронии и отрицания»². Да и амплитуда жизненных колебаний композитора – от светского концертирующего виртуоза до глубоко верующего католика, принявшего сан аббата, – давала поводы к таким высказываниям. Подобного рода суждения вполне справедливы, однако нельзя не признать, что они в большей мере относятся к жизненным перипетиям художника, к его мировоззренческим установкам, нежели к музыкальному творчеству. В последнем мы не обна-

ружим таких резких переломов и метаморфоз. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к религиозным сочинениям композитора. Разумеется, в поздний период, напрямую связанный с римской католической церковью, Лист более последовательно и целенаправленно разрабатывает указанную тематику и образность. При этом немалое место она занимала и в его предшествующем творчестве, в самых разных жанрах: от наиболее близких религиозной музыке хоровых (мессы, оратории, псалмы) до фортепианных и симфонических.

Первое духовное сочинение – «Tantum Ergo» – было создано Листом ещё в одиннадцатилетнем возрасте (к настоящему моменту оно считается утерянным). Далее, начиная с 1840 года в творчестве композитора время от времени наблюдалось возвращение к жанрам и темам духовной музыки. Появляются такие работы, как «Ave Maria» для хора и оркестра, «Pater Noster» для мужского хора и органа (1846), «Благословение Бога в одиночестве» (1848), «Гранская месса», Псалмы (1855), «Эстергомская месса» (1856). При этом наиболее плодотворным для создания религиозных произведений стал для Листа именно римский период. Находясь в «сердце» католического мира, автор пишет оратории «Легенда о святой Елизавете» (1862) и «Христос» (1866), мессы – «Хоральную» (1865) и «Венгерскую коронационную» (1867), Реквием (1868), легенду «Святая Цецилия» (1874), «Крестный путь» для хора с органом (1879), «Легенду о святом Станиславе» (1863-1866), которая так и не была закончена.

При этом важно отметить, что и в ранний, и в поздний периоды в работах автора сочетаются и подчас сложно взаимодействуют как традиционно христианские, так и ярко романтические образы. Показательны в этом отношении и оратории композитора – «Легенда о святой Елизавете» и «Христос», относящиеся к числу произведений позднего периода. В них христианские традиции получают современное романтическое претворение на уровне тематики, образов, жанров, средств выражения.

Подобный «диалог» искусства и религии в художественном мире Ф. Листа возник не случайно. Как мыслитель и философ, он впитывал многие идеи своих современников. С одними из них композитор был солидарен, с другими вступал в диалог. Романтические и христианские концепции соединились в его сознании подобно тому, как соединились они во всей романтической философии и творчестве художников-романтиков. Ли-

тературное наследие Листа позволяет в общих чертах воссоздать картину мировоззренческих представлений автора, столь важную для понимания его творчества. В соответствии с проблематикой данной статьи более подробно остановимся на вопросах, касающихся романтизма не столько как направления в искусстве, сколько как определённого типа миропонимания и мироощущения в контексте христианской культуры.

Несмотря на то, что романтизм является порождением христианской культуры и во многих случаях – её частью, некоторые установки романтизма прямо противоположны христианским. В этой связи К. Зенкин пишет: «... романтизм есть не что иное, как развитие (вплоть до прямого перехода в противоположность) неких существенных черт, присущих христианскому мироощущению в целом»³. Абсолютом в христианстве является Бог-творец, а в понимании романтика им может быть и Природа, и Космос, но, прежде всего, творческое *Я* самого художника. В эпоху романтизма художник как творец максимально полно уподобляется Богу-творцу, являясь его своеобразным «зеркальным отображением»⁴. Художник – творец мира, его творческие возможности ничем, кроме собственной фантазии, не ограничены. Эта мысль подчёркивается самим Листом в одном из его высказываний: «Отношение человека к искусству и к природе диаметрально противоположно. Природа, венцом и драгоценнейшим порождением которой является человек, господствует над ним безраздельно; искусство, напротив, создаётся им самим как некая вторая природа, занимающая по отношению к нему такое же место, какое он сам занимает в отношении первой. И, несмотря на это, он может создавать искусство лишь в соответствии с предписываемыми природой законами, ибо в ней черпает он необходимые ему материалы, чтобы вдохнуть в них новую, высшую в сравнении с предназначенной им природой жизнь. Эти законы – теперь законы искусства – сохраняют неизгладимый отпечаток своего происхождения, заключающийся в том сходстве, которое они имеют с законами природы и вследствие которого бытие искусства не до конца определяется волей человека, хотя и является его порождением, плодом его намерений, выражением его чувства, результатом его размышлений»⁵.

По мнению композитора, душа человека, связывая природу и искусство, «... находит в природе аспекты, краски и явления, соответствующие всем состояниям и модуляциям чувства, через которые ей необходимо пройти прежде, чем она задержится на крутой, изолированной и лишь в весьма редкие промежутки времени достигаемой вершине противоречивых страстей. Это общее у неё с природой она и переносит в искусство»⁶.

Здесь Лист близок многим современным мыслителям – писателям и философам. Одним из них был Ф. Шеллинг, который, в частности, считал: для того, чтобы творить, художник «должен уподобиться тому духу природы, который действует во внутренней сущности вещей»⁷. «Художественное творчество – абсолютно свободная деятельность художника, природа

– творение верховного художника Бога»⁸. Поэтому в искусстве раскрывается сама суть природы как художественного творения Бога-абсолюта. В его философской системе художественное творчество является высшим этапом исторического развития, а мир – абсолютным произведением искусства: «Универсум построен в Боге, как абсолютное произведение искусства в вечной красоте... Бог есть непосредственная перво-причина, конечная возможность всякого искусства, он сам – источник всякой красоты»⁹. Философ теоретически обосновывает романтическое возвеличение искусства, которое невозможно без религии.

Вышесказанное подводит нас к одному из важнейших вопросов романтической философии – вопросу о соотношении искусства и религии. Если в христианстве искусство подчинено религии, то у романтиков оно становится высшей формой духовной деятельности. «Искусство внутри себя самого порождает религию, стремится перерасти в мистериальное действие»¹⁰, являясь в то же время одним из путей познания божественного абсолюта.

Всё это имеет прямое отношение к Листу, его философии творчества. Главной задачей искусства автор объявляет воспроизведение «божественного» абсолюта в его материальных и чувственных формах, а художественная деятельность приобретает у него значение проповедничества. Эти идеи были созвучны и аббату Ламенне, с которым композитор был знаком лично. Он считал, что искусство является одним из сильнейших средств морального воздействия на общество и рассматривал его в непосредственной связи с религией. Искусство, по Ламенне, разрешает свою высшую задачу только тогда, когда оно становится в один ряд с религией и философией и является одним из способов познания мира.

Подобное понимание роли искусства нашло своё отражение в творчестве Листа и, конкретно, в его ораториях. В них автор затрагивает вечные вопросы смысла земного бытия, добра и зла, очищения души и спасения. Разрешение этих вопросов он ищет в образах Иисуса Христа и святой Елизаветы. Он интерпретирует эти образы прежде всего как композитор-романтик с его стремлением показать все этапы жизненного пути героев – от рождения до смерти – глазами самих героев. Размышляя об универсальности искусства, Лист считал, что «оно было бы не только бессильным, но и неполноценным, если бы не могло отразить каждый момент нашей душевной жизни – и притом не менее щедро и не менее самостоятельно, чем природа – в соответствующих тонах, проникнутых такими же настроениями красках и в неотъемлемой от этих же настроений форме»¹¹. В «Легенде о святой Елизавете» почти все события подаются сквозь призму восприятия их главной героиней, поэтому композитором большое внимание уделяется показу её чувств и переживаний.

В оратории «Христос» партия главного героя предельно лаконична и вводится композитором в драматургически наиболее важные моменты. Яркой иллюстрацией к сказанному является эпизод «Душа моя скорбит смертельно» (№ 11). Он играет в последней части ора-

тории решающую, поворотную роль перехода от славы в финале второй части к трагедии – в третьей. Душевная борьба Иисуса выразительно подчеркнута декламационными восклицаниями голоса на фоне бурных хроматических пассажей струнных. Иисус Христос показан одновременно и как романтический трагический герой, и как символ всего духовного и нравственного.

Повышенное внимание к личности художника-творца – характерная черта романтической философии. Причём «идея творения является активным проявлением идеи любви»¹². Любовь выступает силой, способной восстановить утраченную гармонию мира. В оратории «Христос» эта основная мысль помещена в общем эпиграфе, предпосланном всему сочинению: «Но истинно любовью все возвращали в того, который есть глава: “Христос”» (Еф. 4, 15). В I части пастухи слышат торжественный небесный гимн: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» (Лк. 2, 14). Ангелы славят Бога, пославшего в мир Спасителя и радуются, что с принятием новой заповеди любви на земле будет установлен мир. Во II части оратории наиболее показательным является «Созидание Церкви» (№ 8), эпиграфом к которой служат следующие строки: «И я говорю тебе: ты – Пётр и на сем камне я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её» (Мф. 16, 18). В иносказательной речи общество верующих представлено в виде здания, построенного на крепком фундаменте. Таким фундаментом является вера в Иисуса Христа как воплотившегося Бога.

Особое внимание в оратории Лист уделяет и фигуре Богоматери, которой посвящены два хора «Stabat Mater». Первый раз в драматургию целого образа Марии вводится в самом начале сочинения, после пасторали и вести ангелов. Его появление довольно неожиданно, «вызывает ощущение наплыва сверхреальности»¹³. Затем этот образ возникает в зоне драматургической кульминации (№ 12), что связано с его особым напряжённо-приподнятым тонусом. Ю. Деркун, занимаясь

исследованием двух версий «Stabat Mater», отмечает: «... жизнь Иисуса, показанная слушателю через фигуру Богоматери, и есть главный стержень, пронзающий всю ораторию. Наверное, можно говорить даже о том, что эта идея возвышается над самим произведением, поэтому она не дана в музыке более зримо, “предметно”»¹⁴.

В «Легенде о святой Елизавете» особую миссию выполняет главная героиня, любовь которой призвана улучшить реальный мир. Самые проникновенные страницы оратории связаны с воплощением образа Елизаветы. Сцены с её участием – кульминационные в произведении. Так, центральной в I действии является 2-я сцена – «Ландграф Людвиг». Её краткое содержание сводится к мимолётной встрече в лесу на охоте Людвиг и Елизаветы, которая тайно несёт беднякам еду и питье. А главным становится чудесная помощь небесных сил, превративших хлеб и вино в розы. Стоит отметить, что в уста Людвиг Лист вкладывает слова, в которых выражено понимание композитором миссии, возложенной на женщину: «Ты подала пример мне, дорогая, и подсказала мне дальнейший путь. С верой проживу я до конца моих дней...». Эта мысль неоднократно высказывалась Листом не только в его ораториях. Позволим себе привести ещё одну цитату, где она выражена более чётко и красноречиво (о статуе Данте и Беатриче): «Не её [Беатриче] дело доказывать ему [Данте] существование божества – она должна заставить его силой своей любви это божество чувствовать и увлекать его за собой к небесному»¹⁵.

Вот лишь некоторые, наиболее важные, на наш взгляд, положения, позволяющие проиллюстрировать религиозно-философские взгляды Листа. Их необходимо принимать во внимание при изучении ораторий композитора, поскольку они повлияли на особенности трактовки образов главных героев. Как уже отмечалось, в интерпретации христианской тематики художником-романтиком на первый план выдвигаются личности святой Елизаветы и Христа, что отражается на драматургии ораторий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фадеева О. С. Оратория Ф. Листа «Христос» как обобщение основных особенностей стиля композитора // Музыкальная культура: век XIX – век XX. – М.: Тривант, 1998. – С. 55.

² Скребок О. Л. Эстетические взгляды Ф. Листа // Вопросы музыковедения: сб. тр. / ГМПИ им. Гнесиных. – М., 1972. – С. 28.

³ Зенкин К. В. Романтизм в контексте христианской культуры // Музыкальная культура христианского мира: матер. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д, 2001. – С. 84.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Лист Ф. Избранные статьи. – М.: Музгиз, 1959. – С. 297.

⁶ Там же. С. 296.

⁷ Шеллинг Ф. Философия искусства. – СПб., 1996. – С. 60.

⁸ Там же. С. 68.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ Лист Ф. Избранные статьи... С. 296.

¹² Зенкин К. В. Романтизм в контексте христианской культуры... С. 89.

¹³ Деркун Ю. Две версии «Stabat Mater» в оратории Ф. Листа «Христос» // Ф. Лист и проблемы синтеза искусств: сб. науч. тр. – Харьков, 2002. – С. 104.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Лист Ф. Избранные статьи, с. 98.

Кривеженко Виктория Сергеевна
аспирантка кафедры истории музыки
Ростовской государственной консерватории
им. С. В. Рахманинова

